

Гурвич. Уважаемые коллеги, мы начинаем наш 83 диспут. Тема актуальна: «Готова ли российская экономика к плавающему курсу рубля?». Это медийная тема для нас в том смысле, что она одновременно имеет и научный аспект, и аспект, связанный с экономической политикой, и практическое значение для каждого из нас.

У нас на диспут выносятся 4 вопроса. В чем преимущества и недостатки слабо и сильно волатильного рубля? Какой общий баланс плюсов и минусов режима плавающего курса для нашей страны? Чем определяется готовность экономики к плавающему курсу? И как должен действовать ЦБ при резких колебаниях валютного курса, которые часто происходят в странах, которые переходят к плавающему курсу?

И представляю наших участников. Яков Моисеевич Миркин, заведующий отделом международных рынков капитала института мировой экономики и международных отношений РАН, председатель совета директоров ИК «Еврофинансы». И для представления второго участника я передаю слово Александру Александровичу.

Аузан. Уважаемые коллеги, позвольте сделать важное заявление. Сергей Константинович Дубинин с 10 февраля возглавил кафедру «Финансы и кредит» экономического факультета МГУ. Только что было, например, заседание кафедры, на котором Сергей Константинович принял бразды правления, поэтому мы приветствуем нового заведующего кафедрой, который, конечно, для факультета родной, мы рады вашему возвращению. Видимо, переходим к процедуре? Я напоминаю тем, кто уже об этом слышал, и сообщаю тем, кто в первый раз на нашем диспут-клубе за 83 заседания (что, конечно, странно), правила, по которым проходит диспут. Первая часть. Делается 20-минутная презентация. Первым презентацию будет представлять Яков Моисеевич Миркин. Надо сказать, что участникам диспута не повезло, потому что у нас есть злой следователь и добрый следователь. Евсей Томович, мой уважаемый сопредседатель добрый, он позволяет нарушать регламент. Я считаюсь злым и уже не могу утратить эту репутацию. Поэтому до 20 минут презентация, затем два вопроса задает Сергей Константинович. Два коротких вопроса по презентации, и получает два по возможности коротких ответа. Потом идет 20-минутная презентация Сергея Константиновича Дубинина, соответственно, два коротких вопроса, два коротких ответа.

Затем вторая фаза. Мы собираем вопросы со всего зала, вы называете себя. Думаю, что при таком количестве людей мы можем позволить только один вопрос от каждого желающего, и говорите, к кому вопрос из участников диспута. Отвечать участники диспута будут уже в обратном порядке. Начнет Сергей Константинович Дубинин, а потом будет отвечать Яков Моисеевич Миркин. Если остается время, а наш диспут идет всегда ровно 2 часа, это наша традиция, соответственно, он закончится не позже, чем в 20 часов 15 минут, оставшееся время делится между желающими выступить с репликами. Мы просим людей поднять руки и делим оставшееся время, например, 10 минут, к примеру, на 20 поднявшихся рук. В итоге образуется 30-секундный регламент выступления. Но тут уже все зависит от зала. Вот так устроен порядок нашей работы. Поэтому, с вашего позволения, мы начинаем. Яков Моисеевич, прошу вас.

Миркин. Уважаемые коллеги, благодарю за возможность обсудить проблемы национальной валюты. Итак, первый вопрос дискуссии: В чем преимущества и недостатки слабого / сильного / волатильного рубля?

Ответ. Вопрос не совсем корректный. Почему? Он был бы корректен, если бы относился к ситуации, когда курс рубля колеблется, как маятник, около своего органичного центра. Но проблема в том, что курс рубля резко отклонился от органичного, естественного уровня. Рубль переоценен.

Пример из практики. Крупное предприятие, поставляющее на экспорт машинотехнические комплексы. В начале 2000-х годов это предприятие было прибыльным, а где-то начиная с 2003 года стойко вошло в зону убыточности. И с каждым годом убыточность нарастала, заводились уголовные дела, приходила Счетная палата, из бюджета выплачивались крупные суммы, компенсировавшие убытки, предприятие докапитализировалось за счет государства, естественно, снимались директора. А хитрость, на самом деле, заключалась в простом. Рублевая инфляция, с начала 2000 года цены выросли в 3 с лишним раза. Основная выручка этого предприятия была валютная, долларовая. Продукция этого предприятия - не нефть, не газ, не металлы, это машинотехнические комплексы, у которых цена в долларовом измерении, на внешних рынках ежегодно прирастает на 1-1,5 %. Это значит, что если та рублевая выручка, которую предприятие получало в начале 2000-х годов за продукцию, покрывала его рублевые издержки, то, начиная с 2003-2005, года ножницы между выручкой и издержками становились всё больше и больше. Внешняя инфляция была на порядок ниже внутренней, курс рубля постоянно сдерживался. Соответственно, выручка в рублях все больше отставала от рублевых издержек, растущих по внутренней инфляции. Это реальный кейс.

Это важнейшая проблема, и у этой проблемы есть название - «ножницы между номинальным и реальным эффективными валютными курсами». Мы отчасти уникальны. Разрыв в более чем 150-170 процентных пунктов между номинальным эффективным и реальным эффективным курсами рубля - гигантский. На слайде хорошо видно, что величина разрыва по 67 странам - это практически нормальное распределение. И очень хорошо видны хвосты нормального распределения. И мы как раз находимся на хвостах – Россия, Нигерия, Иран, еще несколько стран. В зоне отрицательных значений показателя «индекс номинального эффективного курса валюты минус индекс реального эффективного курса рубля». Это и есть зона переоцененности валюты.

Что при этом происходит? При такой переоцененности девальвация валюты все равно неизбежна, но если курс является сдерживаемым, управляемым, то девальвация приобретает взрывной характер. Курс держим, потом взрыв, опять курс держится центральным банком, снова – вдруг - взрыв. В той же зоне, что и Россия - еще две валюты: Иран и Нигерия. Динамики схожие – взрывные девальвации по российскому рублю и по нигерийской найре, и даже по иранскому риалу с гораздо в большей степени управляемым, жестко регулируемым курсом. Риал точно так же не мог избежать ситуации, когда девальвация прорывается, потому что валюта сверхпереоценена.

Мы реализовали неприятный сценарий, когда поступления очень крупной валютной выручки при скачке цен на сырье, «замазывавшей» проблему разницы между номинальным и реально эффективными курсами рубля, изымались высокими налогами, стерилизовались, выводились в международные резервы, изымались через нетто-вывоз капитала. При этом крупные агенты, действующие на валютном рынке, могли этим рынком манипулировать, сдерживать до известного момента динамику курса, внутренняя инфляция оставалась как бы сама по себе, а бюджету приходилось частично компенсировать потери, которые нес реальный сектор в связи с переоцененностью рубля. И рядом были взрывные, время от времени, девальвации.

И мы не реализовали более благоприятный сценарий, когда при условии низких налогов, низких рисков и регулятивных издержек, за счет валютной выручки мы осуществляли бы – вместо глубокой стерилизации - инвестиции, связанные с модернизацией и импортозамещением, имели бы нетто-ввоз капитала вместо нетто-вывоза более 20 лет (кроме 2006-2007 годов), имели бы более высокие монетизацию и финансовое развитие, более глубокие финансовые рынки, имели бы более широкую доходную базу бюджета и более рыночную среду, в которой бы формировался более органично валютный курс рубля.

Вопрос второй - по поводу готовности экономики.

Ответ: экономика не готова к плавающему обменному курсу. Чем это определяется? Слева на слайде – изображение большого «лайнера», это экономика, готовая к свободному плаванию. А вот это волатильное небольшое существо, этот «маленький кораблик», это как раз то, что мы, к сожалению, собою представляем, как экономика и как финансовая система. И понятно, что переход к свободному плаванию рубля – вместо управляемого курса - убирает один из сильнейших якорей, стабилизирующих сегодня этот «кораблик».

Мы создали сверхволатильную экономику, тот самый кораблик, который бросает то в одну, то в другую стороны. Это было очень хорошо видно как раз во время кризиса, когда несмотря на все подушки безопасности Россия по ключевым параметрам вела себя намного волатильней, чем 50 крупнейших стран мира. На слайде зоны повышенной волатильности выделены оранжевым. Наиболее глубокое падение фондового индекса, одно из наиболее жестких падений валютного курса, один из самых глубоких провалов ВВП, один из самых высоких уровней инфляции, одна из самых выдающихся вершин по проценту, наибольший бросок вниз международных резервов, и по накопленному запасу инвестиций – самое глубокое падение. Причем, прямые инвестиции, что удивительно, вели себя, как портфельные! Сокращение прямых инвестиций более чем на 50 %. Очень волатильный кораблик, который подвержен таким колебаниям именно потому, что он весь перекошен. С одной стороны, очень высока концентрация риска, много деформаций. Каких деформаций? Понятно, это монопродуктовый характер экономики, модель экономики «обмена сырья на бусы», где импорт не направлен на модернизацию и на импортозамещение. Второе, это очень большая зависимость от одного клиента – Европейского союза. Примерно 50 % товарооборота России, это Европейский союз, поставки сырья. Когда этому клиенту очень плохо, он замедляется, становится хуже и российской экономике. И мы это только что увидели. Очень высокие риски, связанные с вытеснением России, физическим вытеснением с европейских рынков энергии, и очень высокие риски, связанные с возможным падением мировых цен на сырье. На слайде изображены 15-17-летние циклы доллара США к корзине мировых валют. Последняя кривая, последний понижательный склон, это ослабление доллара США, это те самые золотые времена до 2007-2008 годов, когда всем нам было очень хорошо, когда наша экономика себя замечательно чувствовала в эпоху слабого доллара. Если технически продолжить эти длинные циклы и предположить, что мы войдем в эпоху длинного укрепления доллара, то это означает очень жесткое понижательное давление на мировые цены на активы, на сырье. Это время, когда российской экономике может очень не поздоровиться.

Еще один высокий риск, который делает российскую экономику потенциально неустойчивой. Перед нами длинный ряд индекса Доу Джонса, хорошо видны три периода: повышенная волатильность с конца XIX века до конца 1940-х годов, время войн, великих кризисов. Затем 1950-60-е годы - стабилизация глобальных финансов, время «всеобщего благоденствия». А затем, с начала 1970-х гг. вместе с демонетизацией золота, переходом в мир плавающих валютных курсов, освобожденных счетов капитала, «финансиализации», секьюритизации и т.п., начинается новое разбалансирование, наращивание этих колебательных движений. Собственно говоря, мы еще не знаем, в какой точке находимся. Эта волатильность глобальных финансов будет укрощена (это отдельная тема для разговора), или же амплитуда колебаний будет продолжаться по нарастающей, и это будет очень жестко, непосредственно передаваться на российскую экономику.

Второе, мы создали, к сожалению, очень мелкую финансовую машину. По монетизации - 60-70-е место в мире, по насыщенности финансовыми активами (на примере кредитов) примерно такое же, по доходности финансовых активов ниже, чем в России, - 55-60% стран. Очень высокая фискальная нагрузка для экономики, которая собирается расти. Эта нагрузка на уровне континентальной модели, растущей с темпами 1-1,5 % в год максимум. Больше 20 лет чистого вывоза капитала (кроме 2006 – 2007 гг.). И мы создали уникальную офшоризованную экономику, где ключевые источники капитала, ключевые адреса поставки капитала, это офшоры. Очень высокая концентрация рисков. Мы создали финансовую систему - агнца на заклятие, в которой в бюджет заложены крупные расходы на мега-проекты, растущие военные расходы, и понятно, что при волатильности цен на сырье это та же ловушка, в которую попала советская экономика 1980-х годов. Мы создали, к сожалению, нерыночную среду, где у Банка России 30 % банковского сектора, еще 35 % активов у пяти коммерческих банков, находящихся под контролем государства. Более чем 800 банков держит всего лишь 20 % финансовых активов, это – перекося, встроенная сверхволатильность финансовой системы.

Третье, это очень мелкий кораблик для бушующего моря. На него наложены тяжелые негативные ожидания, агрессивное настроение. Смешной, а, может быть, не очень смешной пример: Институт социологии РАН опубликовал данные о «распространенности желания пристрелить всех, из-за кого жизнь стала в стране такой». Данные - на слайде. Мы видим, что это желание постоянно нарастает и не снижается. Это значит, что когда освобождается, либерализуется какая-то экономическая переменная, то, поскольку мы все вместе ждем худшего, переполнены негативными ожиданиями, то она тут же уходит в отрицательную зону. Когда освобождается рубль, то немедленно уходим в девальвацию, в спекулятивную игру против рубля. Если считать, то курс рубля до «освобождения» был равновесной ценой, то это было равновесие экстремумов – высокой немонетарной инфляции, экстремального нерыночного процента, низкой монетизации, манипулируемого денежного рынка.

И последний вопрос: как должен действовать Центральный банк при резких колебаниях курса – добавлю – в период ослабления рубля? Не так, как это происходит! Если свободное плавание невозможно, то он должен делать действовать, скорее, непублично, очень осторожно: два шага вперед, один шаг назад, не объявляя

публично о своих намерениях, пытаюсь не допустить резких колебаний на длинном интервале времени, манипулировать информацией, использовать нерыночность среды, манипулируемость валютного рынка. То есть не действовать грубо, действовать осторожно, стилистически по-другому, нежели чем он действует. И, конечно же, не вызывать своими действиями, заявлениями резкого колебания курса. Много говорилось о том, что январское движение рубля вниз было несамостоятельным, так же вели себя другие сырьевые валюты. Это не так. Графики (см. слайд) хорошо показывают это. Мы очень хорошо видим, что по отношению к другим сырьевым валютам у рубля было свое собственное движение вниз. Вот и все. Я постарался ответить на поставленные вопросы. Спасибо за внимание.

Гурвич. Спасибо, Яков Моисеевич. Кстати, еще 3 минуты. Вы тем самым сэкономили время, которое мы подумаем, куда деть. Хорошо? Два вопроса от Сергея Константиновича. Прежде, чем Сергей Константинович задаст их, я просто напоминаю, уважаемые коллеги, что здесь, на этом факультете особое отношение к руководству Центрального банка, потому что обычно, как правило, за редким исключением руководителями Центрального банка являются выпускники нашего экономического факультета. Поэтому о руководстве Центрального банка мы говорим либо хорошо, либо никак.

Дубинин. Благодарю. Первый вопрос со вторым очень связан. Вы приводили примеры переоцененных валют. В одном ряду управляемое плавание российского рубля и, фактически, фиксированные валютные курсы Ирана, Китая. Разве система управления одна и та же в этих совершенно разных механизмах? И имеет ли смысл это сопоставление?

Могу сразу второй вопрос. Второй вопрос родился, когда я начал готовиться к дискуссии. Вообще, может ли цель сама по себе существовать такая, перейти к плавающему курсу? Вот зачем к нему нужно было бы переходить? Как на этот вопрос ответите?

Гурвич. Спасибо. Прошу вас, Яков Моисеевич.

Миркин. Что касается того, имеет ли смысл сравнивать? В выступлении делалось «массовое» сравнение 67 валют. Понятно, что это разные валюты с разной степенью свободы плавания, от самых жестко управляемых до тех, кто находится в свободном плавании, валюты индустриальных стран. Но вот для того вопроса, который я поставил, это не имеет никакого значения. Даже, наоборот, очень хорошо, что валюта, если речь идет, предположим, об иранском риале, она жестко фиксируется. Это еще больше показывает, что никуда не деться, что как бы вы жестко ни управляли курсом валюты, как бы вы ни насаждали, ни увеличивали административный фон в движении валюты, экономика берет свое, все равно никуда не деться от взрывной девальвации. И как раз это распределение валют по степени переоцененности или недооцененности с точки зрения величины разрыва между реальным и номинальным эффективными курсами рубля, как раз показывает, что это реальная проблема, без решения которой экономика реально чувствует себя плохо.

Второе, по поводу, зачем переходить к свободному плаванию рубля. В рыночном измерении, представляя, что мы живем в свободной крупной открытой экономике, которая быстро развивается, которая является модернизированной и плывет, идет своим курсом, как большой корабль среди других больших кораблей, мне кажется, что свободное плавание валюты является одним из компонентов этого механизма. Это примерно точно так же, как спросить, вот едет автомобиль, а зачем у него вертится колесо? Другое дело, что нужно уточнять, что такое вообще свободное плавание валюты. То есть бывает ли абстрактно совершенно свободное плавание

валюты? Нет, конечно, этого не бывает, потому что на рынке всегда действуют центральные банки, на рынке действуют крупные агенты, потому что рынок складывается из действия этих агентов, включая крупных нерезидентов, и т.д. И этот рынок, это плавание не является абсолютно свободным. У него есть капитан, у него есть лоцманы и те, кто пытается проложить какой-то курс в море.

Аузан. Спасибо. Итак, мы переходим ко второй презентации. Можно микрофон?

Дубинин. Уважаемые коллеги, я тоже попытался ответить непосредственно на тот вопрос, который был вынесен в заголовок дискуссии. Готова ли российская экономика к такому режиму валютного регулирования, как плавающий курс рубля?

Я попытался просто выделить те сектора, которые непосредственно влияют на ситуацию, на рынки, и последовательно оценить самым простым образом – субъективно – плюсы их и минусы, готов этот сектор нашей экономики или не готов к режиму плавающего валютного курса. Но, наверное, правильно было сказано, что сначала надо определиться с понятиями. Есть понятие управляемого плавающего валютного курса, *floating*, но управляемого, а есть понятие о свободно плавающем курсе, и эти понятия различаются по частоте выхода Центрального банка на рынок с продажей валюты или с покупкой валюты. То есть интервенции Центрального банка определяют, насколько свободный курс. И сразу надо сказать, что на данный момент Центральный банк, безусловно, управляет плавающим валютным курсом, и мы достаточно далеко еще отстоим от того, чтобы выходить, если не ошибаюсь, не более 3 раз в течение месяца на рынок. Каждый практически рыночный день та или иная операция Центрального банка проводится.

Вот по банковской системе я положительно оцениваю ее готовность, хотя совершенно согласен с тем, что она еще маловата. Вообще, глубина финансового рынка низка, это второй минус, скажем так, она ниже в России, чем в большинстве стран, даже входящих в группу BRICS. То есть в отношении к общему объему валового продукта финансовый рынок составляет у нас всего лишь где-то порядка 70 %. Если брать Китай, то это за 200 %. Соответственно, эти институты не обеспечивают тот объем кредитования и тот объем поднятия, привлечения денег, который необходим. Что предопределяет в этом случае зависимость российской экономики в целом от каких-то международных рынков, контактов, очень большую зависимость. И нужно сказать, что опережающий рост банковской системы, очень высокие темпы роста кредитования в целом примерно на 20 % с лишним в год за период с начала 2000-х годов, это правильно, потому что в целом доля финансовых услуг в ВВП стран развитых обычно где-то приближается к 70 %, вернее, всех услуг. А финансовые, это за 50 % и, соответственно, в России здесь где-то у нас чуть больше 50 % ВВП услуги, но при этом половина только тоже приходится на финансовые услуги. То есть явная неразвитость финансовой системы здесь налицо. И в этом смысле мы с вами, по-моему, совпадаем в оценках. Небанковские институты вообще в очень плохом состоянии. Очень прилично выглядит бюджетная система: низкий государственный долг, не допускается серьезных дефицитов федерального бюджета. Правда, там есть очень большие проблемы с Пенсионным фондом, его дефицитность хроническая, с местными бюджетами, но это вопрос не из той серии, которую мы сейчас обсуждаем. Соответственно, государственные регуляторы выглядят достаточно солидно. Надо сказать, что грамотная политика Минфина и Центрального банка проводилась и в годы кризисов. Была осуществлена очень мощная поддержка экономики, очень правильная, грамотно построенная антикризисная политика.

Состояние платежного баланса. Здесь я хотел бы, все-таки, видимо, подчеркнуть различие в подходах. Понимаете, на рынке, если это, все-таки, рыночный, а не закрытая валюта с фиксированным курсом, все-таки, именно на рынке определяется курс валюты. И состояние платежного баланса, это основной драйвер этого процесса. У нас последние более

полугода происходит сжатие, снижение положительного сальдо текущего платежного баланса, торгового, прежде всего, баланса. И хронический на протяжении 20 лет вывоз капитала больше, чем ввоз капитала. И это определяется тем, что у нас страна с хронически большой долей сбережений в валовом продукте и довольно низкой долей накопления. Вот в Китае доля накопления доходила иногда до 50 % валового продукта. У нас доля накопления около 20 % при доле сбережений 30 %. Я говорю о среднем за большой период времени. И в результате мы получаем, соответственно, отрицательные показатели всего этого процесса, платежный баланс явно ухудшается. Отсюда, мне кажется, и тот процесс девальвации, который мы наблюдаем.

Экономический рост до последнего периода был довольно приличным, включая кризис, в общем-то, мы не сильно отличались от всех остальных, хотя падение промышленного производства было сильным. Прошлый год, скорее, минус дает нам. И в этом году надежды не просматривается. Про сбережения и накопления говорил, это минус.

Конкурентоспособность на мировом рынке. Здесь мы приближаемся к проблеме эффективного курса и реального курса, и т.д. Конкурентоспособность определяется, прежде всего, не финансовыми вопросами, а вопросами производительности труда и тем, что называется unit labor cost. На фоне кризиса по идее эти затраты, прежде всего, на труд на единицу выпускаемой продукции должны снижаться. Для этого кризисы в экономике и появляются, чтобы привести в соответствие цены, затраты. Реальную оценку рынком должны пройти и активы, и факторы производства, и человеческий капитал, и т.д. Искусственно был удержан очень высокий уровень реальной зарплаты в стране. С этим спорят, господин Капилюшников публикует свои оценки, что производительность труда у нас не обгоняет рост зарплат, но по факту мы видим, что те страны, где unit labor cost реально снижаются на единицу продукции, вот Германия, там, как вы понимаете, экономический рост возобновился, произошло восстановление, recovery, и все достаточно прилично. Там же, где этого не происходит, где растут затраты, одновременно не происходит повышения эффективности, роста производительности труда, эффективности использования других ресурсов, скажем, энергетических, там теряется международная конкурентоспособность. Причем, критерий международной конкурентоспособности довольно очевидным образом задан самой экономикой и рынком международным. Если вы можете продавать продукцию либо дешевле, чем поставщики из Китая, либо более высокого качества, вы конкурентоспособны. Если нет такой возможности, продукция останется, естественно, не конкурентоспособной. Рынки могут быть завоеваны также путем выпуска совершенно оригинальной инновационной продукции. У нас тут же возникнут привычные разговоры о том, зачем вступали в ВТО, зачем открывать рынки, надо защищать отечественного производителя и т.д. Все так выглядело, скажем, в странах Латинской Америки в свое время. Примеров много, мы здесь в этом смысле не оригинальны.

И по этим параметрам конкурентоспособности мы, увы, мало готовы к дальнейшему открытию экономики, каким-то совершенно нерегулируемым отношениям.

Бизнес-климат. Я не буду подробно останавливаться на всевозможных международных рейтингах. Выглядит достаточно все проблематично. Очередной раз говоря о том, что надо улучшить в бизнес-климате в нашей стране, как поднять инвестиционную привлекательность, я на одном из форумов услышал от депутатов Государственной Думы: «Ну сколько можно об этом говорить, вы нам все надоели, либералы проклятые, все вы про свой бизнес-климат». Я говорю: «Если вы ничего не делаете в этом отношении уже столько лет, конечно, вам приходится это слушать раз за разом». Реально политика в этом плане очень мало улучшается. Есть некоторые подвижки, но, к сожалению, они не велики. Соответственно, основные проблемы остаются традиционными: коррупция, различного рода административный нажим на предприятия, причем, на самые разные – не только из

производственной сферы, но и из сферы услуг. Недавно в одной хорошей больнице услышал, что пришел милиционер и говорит: «Вот я вас буду проверять. Если не хотите, соответственно, несите деньги». Больница была хорошей, позвонили начальству в МВД, с милиционером этим попрощались, но это происходит изо дня в день. Отсюда низкая эффективность бизнеса на микроуровне и низкая эффективность инвестиционных проектов, хотя здесь есть еще одна сторона дела или даже несколько сторон, потому что, страхуясь от всего этого, бизнесмены, во-первых, договариваются между собой о картельных соглашениях. И вообще, если два ларька открываются на привокзальной площади, то первое, что делают люди, это согласуют, по каким ценам они будут продавать там товары. Никто никогда не хочет вступать в прямую конкуренцию. Более того, я знаю по электроэнергетике, в которой работал, что когда говорят: «Давайте, заходите в нашу область и постройте там или сеть, или поставщика электроэнергии», - бизнесмен говорит: «Нет, это не мое. Я в вашу область не хожу. У вас есть свой, вот вы с ним и договаривайтесь». То есть все понимают, что вступать в конкуренцию себе дороже. И поэтому здесь очередные, к сожалению, минусы.

Есть относительные плюсы в подготовке человеческого капитала, но большие проблемы с подготовкой рабочей силы, образование тоже не так хорошо, как хотелось бы, к сожалению.

И есть просто менталитет, уже установившийся, в каком-то смысле ставший привычным с кризисных тяжелых 90-х годов, тогда все пересчитывали в доллары. При инфляции почти 2000 %, какой она была в 1993-1994 годы, понятно, почему происходил пересчет в твердую валюту. Надо было из деревянных рублей все пересчитать в какую-то реальную стоимостную оценку. Отсюда привычка все мерить в долларах и такая нервная, паническая реакция на любое изменение курса. И это тяжелый случай, потому что тут же люди начинают сдавать рубли, получать доллары. Этот процесс мультиплицируется. И есть, конечно же, проблема не самых удачных маневров государства, правительства. Если ЦБ пытается не тратить золотовалютные резервы на то, чтобы как-то сейчас управлять девальвацией, одновременно Минфин заявляет о том, что он будет покупать валюту на рынке. Такое одновременное заявление двух противоположных совершенно политик, это редкий случай. Все-таки, раньше эти два органа очень хорошо между собой координировали свою работу и не допускали таких странных разногласий. Потому что если Минфин начнет закупать валюту, то понятно, что курс будет снижаться, быстрее.

Вот общий баланс готовности нашей экономики к чистому плавающему курсу у меня получился отрицательным. Минусов набралось больше значительно, чем плюсов. Дальше в этой презентации следует, скорее, просто иллюстрация тех положений, о которых я говорил, поэтому я не буду их снова повторять, я некоторые вещи здесь назвал. Но я хочу подчеркнуть, что в целом финансовый сектор кажется достаточно устойчивым, но одновременно с этим существуют различные оценки, скажем, реальных угроз банковской системе. Есть оценка центра макроэкономического анализа о том, что, на самом деле в положении этот коэффициент, норматив Н1, который у нас на приличном уровне в целом по банковской системе 13,4, то у целого ряда банков (цифры называются разные – до 100 банков) он ниже. Если учесть тот факт, что эти банки реструктурируют кредиты своим клиентам. Они дали неудачным клиентам кредиты, и потом их просто-напросто пролонгируют в форме, вроде бы, возврата и снова кредитования. Поэтому ситуация, в общем, не плохая, но и не слишком замечательная.

Есть, тем не менее, вещи неплохие, с моей точки зрения, которые готовят нас к плавному, как я считаю, и позитивному переходу к плавающему валютному курсу. Банк России достаточно устойчиво проводит политику на применение лучших международных стандартов в банковской системе. Это Базель-1, Базель-2, Базель-3. Даже были идеи форсированного перехода к Базель-3, что, видимо, было не совсем реалистично, банкиры

взбунтовались. У нас бунт, это когда люди идут и кланяются президенту, и говорят: «Спаси нас, батюшка, от подобной напасти». В общем, срок был дан банкам несколько больший для перехода их к стандартам Базель-3, но к Базель-2 практически сейчас завершён переход. И это, в общем, неплохо. Хотя надо учитывать, конечно, что вообще стандарты по Базелю, это стандарты по снижению рисков для банков. То есть это предотвращение расширения кредита. Надо сказать, что в момент кризиса финансового это выглядело очень убедительно – надо спасти банковскую и финансовую систему в целом. А сейчас-то все требуют, наоборот, банковской кредитной экспансии, больше денег. И здесь есть свое определенное противоречие. Есть целая серия требований, которые предъявляются со стороны OECD, в которую мы собираемся вступать, которые вытекают из американского законодательства. Они приняли законы, которые, фактически, распространяются на все сделки в долларах. А в этих условиях, конечно же, они, фактически, диктуют условия для всей финансовой системы мира.

И здесь возникает вопрос: готова ли Российская Федерация? Я думаю, что в данный момент ответ отрицательный. Экономика Российской Федерации не готова к свободно плавающему курсу. И не один год, а, скорее, несколько больший период займет управляемое плавание, которое, собственно, сегодня и осуществляет Центральный банк. А на вопрос, надо или не надо туда двигаться, у меня ответ абсолютно положительный, потому что я согласен с тем, что рыночная экономика как таковая требует плавающего курса. С одной стороны это воздействие на курс со стороны рынка создает стимулы. Это стимулирует конкуренцию и модернизацию. С другой стороны, девальвация может носить защитный характер, спасать, прежде всего, поставщиков на экспорт и тех, кто борется с импортом, кто как-то конкурировать пытается, а не борется. «Борется» плохое слово, это значит «запрещает», у нас ведь обычно, так это выглядит. Поэтому как цель на несколько более отдаленный период, я считаю, плавающий курс, это правильно.

Гурвич. Спасибо.

Аузан. Печально, модератору не дали показать свою власть. Услугу позволили оказать, сообщая, сколько времени, а вот сказать: «Ваше время истекло», - не удалось ни тому, ни другому докладчику. Два ваших вопроса, Яков Моисеевич, прошу вас.

Миркин. Первый вопрос. Сергей Константинович, в нестабильные, инфляционные 1990-е годы Вы были непосредственным участником событий. Причем, не просто участником, Вы тот, кто прямо участвовал в принятии решений. Вопрос: вот этот опыт, на самом деле, этот очень важный опыт, как в авиации опыт летчика, который налетал много часов, был в разных ситуациях и т.д., Ваш опыт, какие-то Ваши личные правила того, как это делать – управление курсом рубля, переход к свободному плаванию, - Ваши личные правила, которые, Вы бы считали, нужно сообщить Центральному Банку сегодня? Как квинтэссенция Вашего личного опыта.

Гурвич. А второй вопрос? Лучше сразу два.

Миркин. Хорошо. Второй вопрос следующий. Центральный Банк, это 30 % активов банковского сектора. 5 крупнейших банков, включая ВТБ, это еще 35 % активов банковского сектора. Итого 65 % активов. С моей точки зрения, это абсолютно управляемый валютный рынок, на котором стоят крупнейшие операторы и могут этим рынком манипулировать. Причем, в слово «манипулирование» я вкладываю позитивное значение, на самом деле, поскольку когда Центральный Банк делает валютную интервенцию, это означает манипулирование. Можете ли Вы оценить, имея отношение к одному из крупнейших банков, как ведут себя сегодня

крупные банки на валютном рынке, поскольку у экономистов складывается впечатление, что они с удовольствием играют на понижение? И у меня то, что называется когнитивный диссонанс. Обвалы рынка, с одной стороны, с другой стороны, его крупнозернистая структура, крупнейшие агенты, которые этот рынок, по идее, должны делать полностью управляемым.

Дубинин. Вот опыт 90-х годов, этот ответ можно давать очень длинный.

Аузан. А надо дать короткий.

Дубинин. Я постараюсь. Валютная политика, с одной стороны, это политика валютного коридора, это попытка ограничить колебания, но и эта политика должна была дать, как нами тогда задумывалось, определенную привязку, определенную стабильность. Валютный курс выступал в качестве некоего номинального якоря для всех остальных оценок. То есть нельзя было допустить, чтобы в течение очень многих лет была совершенно неудержимая инфляция с потерей всевозможных стоимостных оценок просто в стране. Тогда уже непонятно, кто за что и зачем зарабатывает этот деревянный рубль. Это была ключевая антиинфляционная мера. И она сработала, в 1997 году инфляция была 11 % после более 1500 % пятью годами раньше или даже четырьмя. И то, что сегодня можно отпустить курс, не опасаясь взрыва инфляционного, это характеристика зрелости сегодняшней финансовой системы, несмотря ни на что, и приближение, пусть к управляемому, но плавающему курсу как к рыночному регулятору. Что снимает вообще огромную головную боль! Я бы сказал так, что сегодня рубль перепродан, вот сейчас, с моей точки зрения, будет некое усиление рубля, но оно, к сожалению, может оказаться краткосрочным, если не произойдет изменений в экономике структурных, не повысится та самая конкурентоспособность. И мы опять плавно поедem вниз, поскольку платежный баланс будет испорчен. А мы к нулевому торговому балансу приближаемся, это может произойти через полгода, скажем!

Вот второй вопрос, соответственно. Да, еще, извините, про 90-е годы, все-таки. Понимаете, денежная эмиссия очевидным образом не только на инфляцию влияет, но и на курсы. Поэтому невозможно регулировать, не регулируя, прежде всего, money supply, должен быть показатель M2 под контролем в экономике, и если вы можете стерилизовать через мобилизацию этих выпущенных денег обратно в Центральный банк, то сейчас аукционы проводит Центральный банк, чтобы набирать деньги обратно в депозиты. И, соответственно, в нужный момент предоставляет банкам ликвидность. Вот этими инструментами Центральный банк, в общем-то, пользуется. И это, наверное, сейчас самое важное – освоить это все вместе. Не просто, грубо говоря, в тупую покупать и продавать валюту, но и координировать это с регулировкой денежного предложения в экономике. Пока был положительный платежный баланс, то приток денег в экономику даже трудно было регулировать, потому что валюта приходила, ее покупали за рубли, а здесь сейчас совершенно другая ситуация. Это, наверное, тот урок, который нужно сейчас выучить.

А вот в отношении банковской системы, насколько я себе представляю, в отношении государственных банков, а их, по сути дела, два, если не считать «Россельхозбанк» третьим, это «Сбербанк» и группа ВТБ.

Миркин. И «Газпромбанк».

Дубинин. «Газпромбанк» - нет, он формально частный, и он не является собственностью ни одной правительственной организации или правительства.

Миркин. Огосударственный.

Дубинин. Знаете, они очень хотят, чтобы все запомнили, что они при «Газпроме». Бренда уже достаточно. А как они себя ведут на рынке, это уже их дело. Есть такой подход.

И команд прямых, как именно сегодня и что делать на рынке, слава богу, не поступает ни из Минфина, ни из ЦБ, если это не кризисная тяжелейшая ситуация 2008 года, когда

банковская система действительно была на грани обрушения, когда этот эффект домино был с сегодня на завтра. Банки просто перестали переводить друг другу деньги, боясь, что контрагент рухнет, перестанет существовать, и деньги пропадут. Вот тогда, конечно, да, там было административное мощное вмешательство – дали гарантии, дали денег, ликвидность поддержали. Но вот сейчас таких попыток регулировать некорректными способами административного ручного управления курс я не наблюдаю.

Аузан. Спасибо, Сергей Константинович. Итак, уважаемые коллеги, мы переходим ко второй фазе диспута. Мы собираем вопросы. Кто у нас с микрофоном работает? Так, тогда начинаем отсюда. Пожалуйста. Поднимите руки на правой трибуне, кто бы хотел задать вопросы. Так, нет вопросов? Это опасно. Люди, наверное, пришли высказаться. Переходим на центральную трибуну. Тут много. Маша, будьте любезны, во второй ряд. Итак, просьба. Коротко называете себя. Один вопрос и к кому из участников диспута?

Степанов. Здравствуйте. Степанов Александр, экономический факультет. У меня вопрос к обоим докладчикам. Скажите, пожалуйста, насколько существенной должна быть девальвация рубля, чтобы оказать реальную поддержку экспортно-ориентированным отраслям и импортозамещению?

Абрамов. * Абрамов, экономический факультет. У меня вопрос, опять же, к обоим выступающим. На днях Минфин объявил о том, что собирается покупать валюту для резервного фонда приблизительно по 100 миллионов долларов в день. Вопрос такой: Зачем, на ваш взгляд, Минфин это сказал? Ведь можно было бы это делать втихую. Кто тянул Силуанова за язык, зачем это было делать?

Жен. Здравствуйте. Студентка экономического факультета МГУ, тоже у меня вопрос к обоим докладчикам. Вы говорили о структурных преобразованиях в экономике. Могли бы вы уточнить, в каких сферах вы видите эти структурные преобразования и как правительство и само государство должно это реализовывать?

Аузан. Такой простой вопрос, небольшой. Пожалуйста.

Игорь. Игорь *, институт Гайдара. У меня вопрос к господину Миркину, вопрос технический и философский. Технический: как вы считали переоцененность? И вообще, как считать? По идее, с точки зрения экономической теории нужно смотреть текущий курс в сравнении с тем, какой был бы в равновесии с гибкими ценами. Но цены жесткие, из-за этого есть какая-то разница. Это единственный способ, который я, во всяком случае, знаю, как можно оценить переоцененность. Как это делали вы и как это предлагаете делать это Центральному Банку?

Ведущий. Ведущий. Итак, пожалуйста, еще вопросы.

Винокур. Сергей Винокур, Журнал «Вопросы Экономики». У меня вопрос к господину Миркину по поводу вашего утверждения о значительной переоцененности рубля, если я не ошибаюсь. Как вы относитесь к известному индексу BigMac, в соответствии с которым рубль стоит сейчас намного больше того, что он должен стоить? Спасибо.

Казаков. Профессор Казаков. Не было ничего сказано о том, что внешний долг – скорее всего, к Сергею Константиновичу вопрос – сегодня корпораций и банков за последние полгода вырос, почти 800 миллиардов долларов.

Аузан. Пожалуйста, в чем вопрос?

Казаков. Вопрос: является ли это вызовом каким-то или причиной того, что курс будет и дальше падать, потому что это масса нашего рынка?

Ведущий. Спасибо. Так, закончились на центральной трибуне вопросы? Левая трибуна, пожалуйста. Начнем снизу.

Павина. Павина Валентина, экономический факультет. Прежде, чем вопрос, хотелось бы маленькую реплику Сергею Константиновичу.

Аузан. Нет! Прошу прощения, вопрос.

Павина. Это важно.

Аузан. Вопрос.

Павина. Торговый баланс Российской Федерации за 2013 год 177 миллиардов долларов, это половина федерального бюджета. И в этих случаях уповать на то, что он будет равен нулю, необходимо сказать, вследствие каких факторов? Второй вопрос...

Аузан. Вопрос только один.

Павина. Секунду, как же!

Аузан. Мы договорились в начале. Пожалуйста, дальше.

Лифшиц. Моя фамилия Лифшиц, зам.лаборатории в двух институтах Академии Наук. Сергей Константинович – сейчас будет вопрос, не нервничайте - начал с того, что задал вопрос, выдержит ли экономика переход на плавающий режим. Я хочу спросить Сергея Константиновича лично его мнение, выдержит ли экономика очередную рокировку, когда, например, нынешнего президента или председателя Центробанка сделают министром культуры, министра культуры сделают министром и т.д., вот выдержит?

Аузан. Спасибо, вопрос понятен. Пожалуйста, третий ряд.

Абрамова. Абрамова Полина Александровна, Финансовый университет. Практически у обоих выступающих прозвучала такая точка зрения, что да, нужно переходить к плавающему курсу, только не сейчас. Тогда вопрос такой: А о каких лагах временных идет речь? Вот сейчас когда переходить, о каком временном лаге идет речь?

Агапова. Спасибо. Агапова Татьяна Анатольевна, экономический факультет. Вопрос к профессору Миркину. Скажите, если снижать курс рубля плавно, без скачков, это окажет воздействие на повышение темпов роста экономики или это сработает преимущественно как инструмент установления нового равновесия, отличного от того, который вы описали в докладе, основанного на низкой монетизации, немонетарной инфляции и т.д.?

Ирина Анатольевна. Доцент, кафедра политической экономии экономического факультета. Скажите, пожалуйста, до последнего времени волатильность курса рубля определялась практической динамикой цен на нефть. У меня, скорее, к Сергею Константиновичу вопрос. Однако, если мы посмотрим на последние тенденции, мы увидим, что сейчас эти колебания не повторяют друг друга. То есть колебания курса рубля отклоняются от колебаний цен на нефть. Как бы вы могли прокомментировать. В долгосрочном периоде это говорит о том, что рубль, все-таки, укрепляет свои позиции как валюта или, наоборот, это отрицательный момент для экономики?

Каурова. Доцент Каурова, Финансовый университет. У меня вопрос к Сергею Константиновичу. Сергей Константинович, вы отметили как достаточно большую веху регулирования финансовых рынков, создание мега регулятора. Хотелось бы ваше мнение услышать относительно ключевых факторов эффективности деятельности мега регулятора с позиции реального сектора экономики. Должен ли отвечать Банк России за экономический рост? Если должен, то каким образом? Спасибо.

Аузан. Это не вполне, конечно, относится к теме. Все, да? Спасибо. Итак, отвечать теперь начинает Сергей Константинович, а потом уже Яков Моисеевич.

Дубинин. Насколько существенной может быть девальвация, чтобы реально поддержать наших производителей в конкуренции на мировом рынке и внутри страны? Знаете, тут по секторам вопрос. Собственно, сегодня девальвация уже достаточно существенная, она поддерживает явно позиции наших экспортеров, они же одновременно и должники на международном рынке. Для того, чтобы обслуживать эту задолженность, им нужно либо увеличивать цены на нефть, газ, что не происходит, в этой ситуации девальвация как бы снижает их рублевые внутренние затраты, что для них крайне выгодно. И в борьбе с конкурентами на внутреннем рынке это тоже полезно, поскольку, соответственно, они пересчитывают цены мирового рынка на внутренний по более высокому курсу. Но это не

спасет, если будут по-прежнему расти затраты, это предопределяет неконкурентоспособность.

Мировой рынок или внутренний рынок, что определяет состояние и девальвацию? Безусловно, оба этих фактора. Но здесь надо с нашими руководителями согласиться, и с господином Медведевым, прежде всего, который сказал на форуме Гайдара, что проблемы у нас в стране, прежде всего, внутренние. Безусловно, окончание политики QE в Америке, то, что спрос не растет на нефть и газ, это все воздействует на нашу экономику. И сразу, забегая вперед, могу сказать, что если предложение нефти и газа будет оставаться даже таким, как есть, а во всем мире все борются за экономию именно в затрате ресурсов. Потому что экономить на рабочей силе трудно, это вызывает забастовки, различного рода социальные проблемы, а вот экономить на затратах на энергию, это нормально, это приветствуется всеми. И конечно, может сложиться ситуация, когда этот фактор окажется для нас, падение цен на энергоносители, крайне тяжелым. Это несомненно. Но в данный момент этого еще пока не произошло, мы просто перестали увеличивать цену нашей поставки на внешний рынок. Поэтому сейчас преобладают внутренние проблемы.

Зачем Минфин сделал это заявление в достаточно острой ситуации на рынке, не знаю. Честно скажу, не понимаю, зачем было делать это заявление, да и зачем в этой ситуации покупать. Мне кажется, сейчас, я уже говорил это, рубль перепродан. Лучше подождать, когда он немного укрепится, и тогда спокойно покупать.

Структурные преобразования, это то, что связано с инвестиционным климатом, обобщенно говоря. Это борьба с коррупцией, это, соответственно, повышение, опять же, инвестиций, прежде всего, частного сектора и повышение эффективности этих инвестиций, привлечение инвесторов. Да, иногда это требуется даже искусственно делать, скажем, создавать специальные экономические зоны и какие-то внутренние оффшоры. Вот сейчас нам уже не выйти из этого инвестиционного провала, не прибегая даже к таким несколько искусственным методам. И совместные с государством инвестиции тоже полезны, но у государства сейчас нет в бюджете свободных денег. Вся надежда на то, что мы сейчас потратим что-то из резервного фонда, золотовалютные резервы, и инвестиции резко вырастут обманчива, это конечный ресурс, это быстро исчерпает себя. Поэтому нужен механизм воспроизводства инвестиций. Это и есть структурные преобразования, прежде всего.

Так, откуда переоценка, это к Якову Моисеевичу вопрос. BigMac тоже, по-моему, не ко мне. Теперь внешний долг. Понимаете, внешний долг совместный и государственный, и частный все равно не превышает даже 100 % ВВП, он меньше значительно. Там 650 частного и 220 миллиардов, соответственно, государственного. Это не огромные суммы по стандартам сегодняшним международным. И на девальвацию они пока не давят просто потому, что валюты хватает, чтобы обслуживать эти долги. Поэтому тут нет кризиса дополнительного на валютном рынке.

Торговый баланс. Понимаете, мы говорим сейчас о тренде. Я опираюсь на оценку Центра макроэкономического при ВШЭ, может быть, они просто-напросто в тупую продлили тренд снижения, но надо не забывать, что платежный баланс состоит еще из движения капитала. В прошлом году минус 65 миллиардов. Значит, уже остается 100 миллиардов, а не 170, практически. Если этот тренд движения капиталов и движения торгового баланса будет в одном направлении также продолжаться на снижение, хорошо, я не берусь прогнозировать, я вообще не люблю всякие эсхатологические, катастрофические сценарии, может быть не произойдет нулевого в середине года, может быть, они ошиблись с этим прогнозом, но тренд абсолютно очевиден.

Спасибо Академии Наук за вопрос про председателя Центрального Банка, но здесь, как я понимаю, уже говорилось, что большинство, все-таки, выпускники не балетной школы, а

вот экономического факультета. И Игнатъев, и Дубинин, и Набиуллина. Набиуллина очень ко всему прочему сильный администратор. Наверное, Центральный банк сложный механизм, там в министрах ей где-то даже было проще, там было больше административного ресурса. Но она совершенно на своем месте, я в этом не сомневаюсь. Не знаю, можно про министров культуры поговорить. Вот там, все-таки, тоже обычно не технари. Вот был дипломат, теперь историк. Мне не нравятся его книжки по истории, я честно скажу, но это уже другое дело, это мое субъективное впечатление от того, что пишет господин Мединский.

Время перехода к плавающему курсу. Знаете, наверное, все-таки, это совпадает со временем структурных преобразований. Если не будет понятный механизм инвестирования, повышения эффективности нашей экономики, если не будет притока инвестиций, кстати, и внутренних, и внешних... И в этом контексте оффшоры, это механизм привязки наших экономик к международному рынку. Он такой, несколько уродливый, поскольку делается лишний шаг, но это рассматривается бизнесом как защита своих инвестиций. Если Кипр и Нидерланды крупнейшие иностранные инвесторы в нашу страну, в нашу экономику, это значит, что вкладываются в значительной степени российские же деньги, возвращаются. Но это делается не из абсолютной вредности, а просто чтобы защитить их как иностранные инвестиции. К ним, полагали бизнесмены, будет отношение несколько более лояльное со стороны разного рода рейдерских групп.

Будет ли стимулировать плавная девальвация экономический рост? Я не думаю, что эти вещи так связаны. Это мера защитная. Вот я был в Астане ровно на следующий день после девальвации тенге. Зачем они это сделали в один день, а не постепенно, я не знаю. Я прямо говорю, что я думаю, что это была ошибка. Ответ был примерно такой: «Не надо рубить хвост собаки по частям, давай один раз». Но это объяснялось как защита против девальвации рубля, потому что российский рубль девальвируется, вы наш крупнейший торговый партнер – надо снижать стоимость тенге. Эта логика понятна, но это защитная мера.

А мега регулятор и экономический рост, понимаете, у нас, к сожалению, в нашей экономической и даже юридической сфере часто нет четкости понятий. Вот что такое «отвечать»? Вы сами задали вопрос: «А как он будет отвечать?». Понимаете, если экономического роста нет, и за это не снимают с работы никого в правительстве, политически нет механизма ответственности, то как, вы предполагаете, будет отвечать Центральный банк? Через какой механизм политической ответственности он будет отвечать? Можно написать на бумаге, что Центральный банк должен стимулировать рост экономики. Дальше возникает вопрос, каковы критерии? Что должен и что не должен делать банк в той и другой ситуации? Сами на себя ФРС, скажем, возложили такую оценку. Они сказали, что если будет меньше безработица, чем 6,5 %, то перестаем производить это QE, перестаем денежную накачку проводить. Это некая увязка, но она достаточно искусственная, и прямого воздействия, на самом деле, на безработицу, естественно, никакой центральный банк ни у нас, ни в Америке не имеет. Это некая оценка состояния экономики. Поэтому вопрос ответственности, это некорректно поставленный вопрос, но не вами, а просто изначально. Отвечать можно за то, на что ты можешь непосредственно воздействовать, и что входит в круг твоих профессиональных обязанностей. Но и там должно быть четко прописано, что такое ответственность, и что ты должен делать, чего не должен делать, а у нас все это расплывается, поэтому можно привлекать кого угодно к ответственности за что угодно. Это тоже не способ.

Аузан. Спасибо большое, Сергей Константинович. Прошу Якова Моисеевича.

Миркин. Спасибо большое за интересные вопросы. По поводу того, насколько существенной будет девальвация, у меня ощущение, что мы можем перейти планку 40 рублей за доллар. Это не просто ощущение, это из той оценки разрывов, о которых

я говорил в своем докладе. Но я, все-таки, предполагал в своих мечтах или оценках, что этот процесс будет плавным, итерационным. Два шага вперед, один шаг назад. Будет очень осторожным, очень взвешенным, запутывающим рынок. Мы совсем недавно с уровня 28 рублей за доллар перешли на уровень 32 рубля за доллар, делали это довольно длинно, и при этом никакой паники, никаких криков, никаких особенных дискуссий и т.д. Это просто был плавный, растянутый во времени процесс. Очень тяжело, даже, наверное, неправильно называть какие-то численные границы, потому что если этот вектор прокладывается таким образом, многими итерациями, то это дает возможность нащупать новые точки, в которых экономика будет себя лучше чувствовать, нежели чем она чувствовал, предположим, в 2013 году. Просто нужно понимать, что вместе с изменением курса рубля одновременно идет поток данных по экономике, это живая система, идет поток оперативного регулирования экономики, и в этом итерационном процессе при правильном мониторинге, соответственно, как мне кажется, нельзя вытаскивать только один параметр, только один ключик. В этом мониторинге очень много итераций, и могла бы быть нащупана та чуть более статическая точка, которая при тех условиях, которые сегодня существуют, являлась бы наиболее благоприятной для российской экономики.

По поводу связи падения рубля и того, что происходит с другими валютами. Здесь, конечно, много было идей высказано по поводу того, что валюты развивающихся стран падают к корзине валют, и по-особому себя ведут сырьевые валюты. Мы видим, конечно же, связь между рублем и другими валютами. Я всегда в своих лекциях приводил два графика: параллельное движение российского рубля и бразильского реала, параллельное движение российского рынка акций и акций Бразилии. Всегда это производило гигантское впечатление. Понятно, это может существовать только тогда, когда все, что у нас происходит, одновременно является кусочком в структуре глобальных финансовых активов. Но, все-таки, здесь нужно отделить зерна от плевел. Я демонстрировал график, специально подготовил, где очень хорошо было видно самостоятельное резкое движение рубля. Самолет находится в полете, пилот отключил автопилот, бросил штурвал, и самолет «клянул», совершает самостоятельные движения. Это очень хорошо видно, это может каждый посмотреть.

По поводу заявлений Минфина и, наверное, не только Минфина, но как бы резкости заявлений и Центрального банка, и других лиц, которые создают хаотическую картину на рынке и даже, скорее, паническую реакцию, усиливают панику, нежели чем успокаивают и т.д. Я иногда внутренне улыбаюсь, потому что все это как будто как игра, мы играем, то ли в Бернанке, то ли в Марио Драги, начинаем игры разыгрывать в роли руководителей центральных банков крупнейших развитых стран, которые живут на качественно других рынках и по другим правилам. Но, все-таки, в целом оценивая тот эффект, который все это производит, я могу перечислять слова «неопытность», «неправильность», «недальновидность», «неполноценность этих заявлений», «неосторожность». Мы не умеем быть осторожными, очевидно!

По поводу структурных преобразований в экономике. Вы знаете, я давно в своей исследовательской работе занимаюсь тем, что должно произойти, если мы, развивающаяся экономика средней степени зрелости, решимся осуществить мечты -

совершить экономическое чудо? Такое же чудо, каким оно случилось в азиатских экономиках или в Германии в свое время. Как должны быть настроены модель экономики России и ее финансовая система для того, чтобы обслужить экономическое чудо, его стимулировать? Это нечто совершенно другое. Совершенно другая доля накопления. Гораздо более низкое налоговое бремя, потому что при таких налогах экономики быстро не растут. Это другой уровень монетизации, это административное управление процентом и, кстати говоря, и валютным курсом. Это такая настройка финансовой системы, которая бы стимулировала экономику в том, чтобы перейти в режим бега из режима такого тихого и шатающегося хода, превратиться в «мускулистого бегуна».

Как я считал переоцененность рубля? Мы знаем, что для оценок могут использоваться «тонкие» методы, а есть еще и методы «толстые», очень простые. Когда некая система, в данном случае речь идет о финансах, находится в устойчивом состоянии, и ее динамика может регулироваться легким покачиванием руля, то я бы предположил, что для оценки того, каким должен быть валютный курс, должны использоваться достаточно тонкие методы, нужно расширять модельную составляющую. В данном случае – речь идет о российских финансах – перед нами заржавленный буксир с пробитой крышей, с еще и пробоиной на борту, у которого проблемы накапливались очень давно, с середины 1990-х годов. Переоцененность «на хвостах» нормального распределения по большой группе стран, когда уровень проблемности очень велик, обнаруживается достаточно простыми индикаторами. Из презентации должно быть понятно, как это делалось. Уровень 1995 года взят за 100 %. Используются индекс изменения номинального эффективного курса рубля, индекс изменения реального эффективного курса рубля, и я брал разницу между ними. Это очень наглядный показатель, его динамика при таком уровне переоцененности, который имеет российский рубль, объясняет те проблемы, с которыми я ежедневно сталкиваюсь не только в макроэкономике, но и в реальном бизнесе, вижу в реальных компаниях на уровне «микро».

Индекс Big Mac. Если сопоставлять цены по Big Mac, то российский рубль должен быть тяжелее, чем сегодня. BigMac производится внутри России. Но если представить себе, что курс национальной валюты выводится из соотношения одного товара, одного бутерброда, то это действительно забавная вещь. Тогда стоит обсуждать, почему применительно к сектору продовольствия могут быть такие курсовые соотношения, почему именно по Big Mac? Причем, это цена на продукт одной компании, у которой может быть собственная ценовая политика на рынках разных стран. Это продукт, выпускаемый на нашем внутреннем рынке, с нашими издержками, вне всякой связи с экспортом – импортом, в котором проявляются курсовые соотношения. Здесь есть, наверное, предмет для застольных бесед, есть предмет для многих статей, и, действительно, Big Mac является героем множественных публикаций, но все-таки, как мне кажется, рассуждая о курсовых соотношениях валюты, лучше обращаться к темпам инфляции. Есть более сложная проблема, это паритет покупательской способности при сопоставлении валют. Гораздо сложнее объяснить, почему валюты развивающихся стран должны быть по сложившемуся паритету покупательской способности, как правило, тяжелее, а валюты развитых стран должны быть, наоборот, легче. Или, например, почему евро –

единая валюта стран еврозоны, но с точки зрения паритета покупательной способности эта одна валюта в разных странах должна иметь разные курсы. Действительно, есть предмет для такого более детального обсуждения.

О каких временных лагах идет речь при переходе к плавающему курсу? Я полностью согласен с тем, что темпы перехода к плавающему курсу будут определяться тем, произойдут ли реальные изменения в модели экономики и в модели финансовой системы, внутри которой мы живем. Вполне возможно, что еще и 10 лет нам нужен будет управляемый курс рубля, и 15, и 20, и 25 лет. Мы будем существовать в качестве такой «латиноамериканской» экономики со всеми ее плюсами, минусами, волатильностью и т.п. Поэтому вопрос абстрактен, потому что ответ на этот вопрос зависит от той динамики, с которой мы будем менять самих себя.

Это, кстати говоря, отдельная тема для дискуссий, настройка модели экономики на экономическое чудо, поднастройка финансовой системы именно на эти параметры.

По поводу плавного снижения курса рубля, поиска новой точки равновесия. Когда мы сегодня говорим о курсе рубля, то это еще одна попытка из нескольких ниточек выдернуть одну и пытаться говорить об этой одной, как о магическом «ключе» к решению наших проблем, через который можно реально что-то ускорять или, наоборот, что-то ограничивать. Да, конечно, это будет происходить, но, как мне кажется, я хочу повторить эту идею, финансовая сфера настолько не сбалансирована, настолько деформирована, что мы, занимаясь только одной составляющей, проблему не решим.

Кстати говоря, все это находится в жестком противоречии с точкой зрения всех финансовых регуляторов. Есть еще много «ниточек», на которые нужно воздействовать одновременно. Инфляция, которая во многом является немонетарной, что выводит нас на проблемы цен, устанавливаемых государством, на проблему нерыночности среды. Низкая монетизация. Процент, который является, на самом деле, нерыночным, потому что не может быть рыночным процент в нерыночной среде, когда 5 банков держат 50 % активов банковского сектора, 20 банков - более 70 % активов. Остальные 800 с лишним банков, это 15-20 % активов банковского сектора. Это абсолютно манипулируемый рынок. И если ставить задачу снижения процента при переходе к ускоренному росту, то понятно, что этот сверхвысокий процент не может быть выправлен как рыночный, «невидимой рукой» рынка. Он может выправляться только с использованием административных инструментов. Эти деформации могут корректироваться только с участием государства и только в рамках того, что финансистами называется «репрессированная финансовая система». Впереди, так или иначе, усиление административной компоненты, без которой невозможно снять накопленные деформации в среде, являющейся, по существу, нерыночной. Я говорю об этом с огромным сожалением, но если, продолжая метафору, представлять, что наша финансовая система – небольшой кораблик, «буксир», у него пробоины, он измят и т.д., то, видимо, нужно приложить много сил, оказать большое жесткое давление, чтобы эти деформации исправить.

У меня все.

Аузан. Спасибо. Уважаемые друзья мои, переходим к самой важной фазе дискуссии, когда высказываетесь вы. Пожалуйста, внимание, поднимите руки все, кто хотел бы

выступить с репликами, сознавая, что диспут закончится через 25 минут. И так, кто хотел бы? Семь.

Реплика. А какой будет регламент выступления?

Аузан. А регламент вы определяете сейчас своим голосованием. Потому что если 20 человек, это одна минута. Сейчас 7 человек заявили, что они хотят высказаться. 8. Вот, 24 делим на 8, это очень удобно. Регламент 3 минуты. Пожалуйста, начинаем с Руслана Семеновича Гринберга. Пожалуйста, представляйтесь и укладываетесь в трехминутный регламент.

Гринберг. Я хотел свою ученость показать, а за 3 минуты это будет сложно. Я так понял, что у докладчиков нет особых противоречий, страна не готова к плавающему курсу. И необходимы структурные реформы, чтобы она стала приличной, с диверсифицированной экономикой, с хорошим инвестиционным климатом, и тогда можно отпускать в свободное плавание. Я думаю, что мы не готовы. Мы эту мантру уже слышим больше 20 лет, особенно с шипованием инвестиционного климата. Кстати, скажу, что в 2013 году все показатели замерли, кроме одного. Приток иностранных инвестиций, причем, прямых, 54 %. Это серьезная история насчет инвестиционного климата.

Так вот, я согласен с вами обоими, что абсолютно абсурдные, панические, фактически, заявления и председателя Центрального банка по поводу того, что мы начинаем таргетировать инфляцию, перестаем таргетировать валютный курс. Конечно, это очень смешно. Во-первых, этого никогда не может быть в принципе. И вы сегодня об этом говорили, что грязный взрыв все равно обеспечен, Центральный банк обязан вмешиваться в формирование валютного курса, поэтому это вообще даже непонятно, почему, это может быть аклиническая дискуссия, что нельзя одновременно таргетировать инфляцию и валютный курс. Да, нельзя! Но что случилось такого, что нужно отказаться от таргетирования валютного курса. Я думаю, что простой человек типа меня сразу понял: они отказываются от поддержки валютного курса, даже они отказываются! И понятно, что существуют панические настроения и все такое прочее. И ясное дело, что даже когда будет развиваться экономика, почему-то она будет развиваться, станет диверсифицированной, конкурентоспособной, и тогда не надо отказываться! И тогда могут быть разные варианты, когда нужно вмешиваться в формирование курса по той или иной причине.

Но самое главное, у меня осталась одна минута, наверное. Я, конечно, согласен категорически с авторами с точки зрения того, что это абсолютно абсурдные заявления руководителей финансовых и денежных властей наших, но я абсолютно не согласен с их пониманием структурных реформ, производительности труда, unit leibor cost и все эти истории. На самом деле, мы живем в такой стране, в которой предприниматели не лежат на печи и ждут, пока налоговое бремя снизится, и ждут, когда можно будет легко зарегистрировать предприятия. Я знаю твердо, что здесь бизнесмены, если они знают, что их табуретки будут продаваться....

Аузан. Все.

Гринберг. Короче говоря, то, что докладчики говорили о структурных реформах, наплевать и забыть. На самом деле, нет никакой альтернативы государственно-частному партнерству и инициирования государственных проектов, потому что в условиях вялого частного спроса это единственная альтернатива ускорению экономического роста(?).

Павина. Палина Валентина, экономический факультет. Согласна абсолютно с предыдущим докладчиком, что нельзя приступать к плавающему курсу в условиях гипотетической, а теперь и реальной спекулятивной атаки на российский рубль. Ну разве можно отдать рубль на растерзание, если против него играет все население страны, а возглавляет этот замечательный процесс глава Центрального банка, ее заместитель первый, а также Министр финансов. Первая атака на рубль была летом этого года после заявления

господина Силуанова, что с августа начинаем покупать ресурсы в резервный фонд. И эту мантру они с августа до сих пор повторяют, каждый раз накручивая очередную волну покупок. Это первое. Второе, что касается таргетирования инфляции и валютного курса. Ни для кого не секрет, что стабильность валютного курса, это целевая функция большинства Центральных банков, если не всех. Это норма, это главная функция Центрального банка, стабильность национальной валюты. И если против нее начинает играть сам банк, здесь, конечно, очень сложно что-либо делать. Поэтому как можно выйти на целевые показатели низкой инфляции, не таргетируя валютный курс в нашей стране, где почти каждый второй килограмм мяса закупается по импорту, 85 % лекарств по импорту. Легкая промышленность - 75 % по импорту. И мы еще говорим, что мы держим инфляцию в заданных параметрах! Но это невероятная глупость или просто это глупая ложь.

И последнее, структурные перестройки. К сожалению, они будут. Все предыдущие этапы колоссальных изменений, а точнее, очередного падения рубля ниже того уровня, который должен быть по паритету, и 20 лет официальный курс рубля в 2 раза выше, чем паритетный курс, то есть 2 раза нас обирают, в 2 раза дороже мы платим за сырье * Запада. И что получается? Все эти этапы как-то раз нам структурно перестроить. Структурная перестройка сводится только к одному: к усилению нефтегазового сектора и вымыванию оставшейся промышленности. Или на завышенный курс рубля произведена переиндустриализация страны. И, к сожалению, тот этап, который продолжается, снова удорожания доллара и особенно евро делает невозможным приобретение оборудования за рубежом, что дает к дальнейшей консервации нашей технической отсталости и к дальнейшему превращению исключительно в бензоколонку Европы. Спасибо.

Журавлев. Журавлев, эконом. Факультет. Я с удовольствием отмечаю, что на наших диспутах уже не первый раз дискутирующие стороны в итоге высказывают схожие позиции. Я не иронизирую в данном случае и тем более это не резюме, это, видимо, подтверждение того, что, по крайней мере, сегодняшняя проблема профессионалами в данной области видится во многом одинаковым образом. И теперь я в надежде, что злой председатель под конец нашего заседания несколько утратил бдительность, хочу во время реплики задать вопрос, который не задал. Поскольку у меня остается больше времени

Аузан. Ответа не будет. Вопрос можете, но...

Журавлев. Хорошо, договорились. Поскольку от моего вступления остается больше времени, чем все рассчитывали, может быть, диспутанты наши в своих заключительных словах ответят на тот вопрос, который, я подозреваю, интересует всю аудиторию. Если на самом деле сегодня нет условий для перехода к плавающему курсу рубля, почему с точки зрения наших уважаемых диспутантов так на этом настаивают сегодня денежные власти?

Аузан. Спасибо.

Муж. Спасибо. Я тоже хочу задать вопрос. Скажите, пожалуйста - по-видимому, обращение к сидящим в президиуме - почему именно эту тему сегодня поставили? Что, это самая острая болезнь нашей экономики? Я лично считаю, что в результате 20-летнего безобразия, которое называется реформой, включая институциональные, которые проводились, на мой взгляд, командой очень образованной, многие закончили, наверное, этот факультет, но совершенно не грамотными экономистами, страна в результате попала в глубокий системный социально-экономический кризис, где есть три основные проблемы. Первая, это бедность населения и недопустимая дифференциация доходов, второе, это разрушенный производственный потенциал страны, и всякая болтовня насчет инновационной экономики. И третье, это совершенно нарушенные нормальные условия обеспечения безопасности ныне живущих и будущих поколений россиян.

И последнее, я присоединяюсь ко многому, что было сказано. Вот Руслан Семенович сказал, что ему смешно по некоторым вещам. Он человек с большим чувством юмора. А у меня его нет. Спасибо за внимание.

Аузан. Спасибо. Теперь сюда, пожалуйста.

Блинов. Спасибо. Блинов, Институт Гайдара. Может быть, будет несколько сумбурно, тем не менее, по поводу курса валюты. Сказано, что цель конечная у Центрального Банка стабилизация национальной валюты. Вопрос, как посчитать: стабилизация цен или стабилизация какого-никакого валютного курса? Все-таки, все понимают, что стабилизация цен, то есть низкая инфляция. А то, как будет двигаться валютный курс, это дело десятое. Дальше, ощущение такое, что когда говорят о курсе валютном, готовы мы к плавающему или не готовы, это звучит странно, потому что обычная аналогия с кораблем, он попал в шторм, и все думают, готовы мы к шторму или нет? Это вообще никого не волнует, потому что шторм есть объективная реальность. Есть фундаментальные риски, курс цен на нефть и т.д. И либо как-то мы пытаемся, что называется, эти карты работать, может быть, через валютный курс, через плавающий или это будут другие институты, либо мы закрываем на это глаза и пытаемся поддерживать фиксированный курс. Он вообще ни разу не спасает! Наоборот, больше еще подвигает экономику. Поэтому фиксированный курс, на самом деле, получается проциклическая политика монетарная.

И, наконец, последнее, что хотелось сказать, то про терминологию. Действительно, если устойчивый экономический рост, он предъявляет определенные требования к финансовой системе и т.д., ко многим другим компонентам. Может быть, не очень правильно говорить о настройке, потому что настройка предполагает немного перенастроить, чуть ручку повернуть. Но если мы говорим о том, что нам нужно превратить человека в спортсмена, это слишком неправильная терминология говорить о том, что мы должны настроить на спортсмена. Нет, это долгие тренировки, это нужно действительно много сил вкладывать в него. Нужно работать, тренироваться. Это не настройка, это серьезное дело. Все.

Васильев. Васильев. В отличие от большинства здесь присутствующих мое представление об экономике, наверное, все-таки, ближе к военной школе. Понимаете, сейчас появилось больше работ по психологии в экономике, но, все-таки, если говорить по бытовым ощущениям про фиксированный и свободный курс, то создается такое чувство, что Россия уже сегодня готова к свободному курсу, притом, абсолютно все, в первую очередь как раз спекулянты в самом широком смысле этого слова, те люди, для которых это стало профессией.

И второй сюжет, который тоже побудил меня взять микрофон, это по поводу экономического чуда. Там не только в Германии, в Японии, в Корее, еще где-то. Это, наверное, то, с чем я уйду с обдумыванием этого диспута. Понимаете, когда вы говорите, можно ли сконструировать условия для чуда? Чудо, если мы говорим в понятиях * идиографии, каждый раз, наверное, происходит немного по другим законам. И поэтому сама эта постановка, что давайте мы сконструируем законы для чуда, мне кажется теоретически неправильной. Может быть, я что-то не так понял. Спасибо.

Аузан. Спасибо.

Тишин. Максим Тишин. Я здесь в гостях, можно сказать, я представитель практикующей профессии. Я управляющий на фондовом рынке, управляющий фондами. И в нашем деле, в управлении хеджфондами каждый раз, когда мы задумываемся про потенциальную доходность того или иного инструмента, всегда нужно задумываться про потенциальные риски, с этим связанные. И внимание этого собрания я бы хотел привлечь к тому, что вопрос, готова ли Россия к плавающему курсу рубля, это вопрос, скорее, о том, какие еще есть варианты уменьшить риски российской экономики в зависимости от

переменчивой мировой конъюнктуры. Здесь упоминались цены на нефть, упоминался, естественно, счет текущих операций, который скоро, скорее всего, сократится. И моя реплика сводится к тому, что, уважаемые господа и коллеги, нет другого способа защитить Россию от внешних рисков, кроме как добиться того, чтобы мы не зависели от свободного плавающего курса рубля! И все негативные факторы, которые были приведены, станут не негативными факторами, то есть зависимость от импорта, а станут механизмами, которые помогут с этими рисками справиться. Спасибо.

Аузан. Пожалуйста, сюда микрофон.

Гурвич. Спасибо. К моему удивлению тема, которую я сам предложил, отчасти вызвало обсуждение в жанре митинга. Мне кажется, что нам нужно стараться обсуждать проблемы экономической политики в экономических терминах. Как я смотрю на эту проблему в экономических терминах? Достоинства плавающего курса, как только что справедливо было сказано, в том, что они смягчают влияние внешних шоков на экономику, в первую очередь шоков в условиях торговли, которые для российской экономики по-прежнему ресурсоориентированной, особенно важны. И здесь есть общие доводы, которые... проводили анализ результатов последнего кризиса. Страны с плавающим курсом продемонстрировали меньший спад, чем страны с фиксированным курсом. И есть специфический анализ для нашей страны, этот анализ учитывает тот фактор, о котором сегодня почти вовсе не говорилось, курсовые ожидания. На самом деле, это один из главных факторов, один из главных каналов, через который курсовая политика влияет на экономику. И в 1998 году, когда правительство пыталось сдержать обменный курс, а инвесторы ожидали девальвации, они включали эти свои ожидания в процентные ставки. Соответственно, ставки на рынке ГКО взлетели, и случился кризис. То есть основной фундаментальной причиной кризиса 1998 года было проведение курса почти фиксированного рубля в условиях шока, в условиях торговли. В 2008 году, опять-таки, у нас упали цены на нефть, ЦБ держал обменный курс, инвесторы ожидали девальвации. Это привело к высоким ставкам процентным. Во всем мире снижали ставки, мы вынуждены были держать высокие ставки, поскольку мы хотели управлять курсом. Соответственно, у нас один из самых больших в мире был спад в экономике, во многом благодаря такой политике.

Вместе с тем минусы, это общая непредсказуемость.

Аузан. Я прошу прощения, время истекло. Таким образом, только директор института экономик и президент ассоциации позволили мне действительно отрегулировать процесс. У вас еще будет возможность высказаться в этой дискуссии, я вам обещаю.

Значит, действительно благодаря лапидарности выступающих мы имеем возможность дать по 3 минуты каждому из участников диспута, и не исключено, что они ответят на те вопросы, на которые не было ответа. У нас теперь начинает Яков Моисеевич. Пожалуйста.

Миркин. Спасибо. Я очень рад активно дискутировать, обсуждать, даже митинговать. Отвечу. Три момента заключительных. Был вопрос, почему так настаивают власти на свободном плавании рубля? Знаете, есть отдельная история и отдельную книгу можно написать, как эти 25 лет экономическая политика управлялась мифами, насколько она мифологизирована. Или учебниками управлялась, абстрактными представлениями о том, как должна быть устроена финансовая политика. Я думаю, что это из того же.

По поводу тезиса Евсея Томовича о том, что страны с плавающим курсом вели себя лучше, чем страны с фиксированным курсом. Конечно, потому что страны с плавающим курсом, это развитые страны с их финансовой зрелостью, индустриальной зрелостью и т.д. Они вообще более устойчивы всегда. Крупные пароходы, которые намного более устойчивы, чем развивающиеся экономики. При

этом нельзя путать фиксированный курс и управляемый курс. Да, действительно, Центральный банк все время ошибался, он закреплял курс, включая классический механизм запуска финансового кризиса - сочетание свободного счета капитала с закрепленным курсом валюты и высокой доходностью финансовых активов внутри страны. Это происходило дважды: 1998 и 2008 год, все это замечательно видно. Управляемый курс, это не фиксированный курс. Это курс, который может понижаться, который может повышаться и т.д.

Аузан. Спасибо. Пожалуйста, Сергей Константинович.

Дубинин. Благодарю. Неизбежно как-то так получается, что при моем участии дискуссия всегда возвращается к 1998 году правда, Борис Николаевич сказал когда-то, что во всем виноват Чубайс, Дубинина он не вспоминал. Наша митингующая на Майдане публика мне не дает расслабиться. Я просто хотел по этому поводу еще раз напомнить, что, прежде всего, это был кризис бюджета. То есть там был огромный дефицит бюджета, было требование Госдумы «Деньги любой ценой», отсюда раздувание ГКО сверх необходимого. А сам себе кризис бюджета зависел от того, что баррель стоил, как известно 8,5-9 долларов. Поэтому уже не политика валютного курса определяла рождение самого кризиса. Но одно без другого, что называется, не бывает. Там был действительно платежный баланс совершенно разваленный к тому моменту и бюджет тоже.

При всем том, что мы с Яковом Моисеевичем действительно очень одинаково понимаем ситуацию сегодняшнюю, рецепты дальнейшего у нас разные. Тут сама дискуссия бы и началась, если бы нам дали побольше времени. Или в следующий раз, может быть, произойдет. Потому что я категорически против увеличения этого административного нажима, о котором сейчас шла речь, и который поддерживает Академия Наук. Это все традиционно. Речь идет о том, чтобы устанавливать процентные ставки... Кто-то, видимо, в прокуратуре или еще где-то очень хорошо знает как... Госплан устанавливал в СССР, но Госплана нет. Понятно, мы помним к чему это привело все. Так вот, теперь согласно рекомендациям АН РФ надо вернуться к этой практике. Цены, ставки, курсы валют – все как-то так зарегулировать, во имя великой задачи мобилизоваться и совершить прорыв. Понимаете, прорывы совершались даже в прошлом не за счет этого регулирования, а за счет мобилизации задаром внутреннего ресурса, извините, голодомора, когда зерно изымалось, вывозилось на экспорт, и появлялись деньги на инвестиции. Сегодня, слава богу, предложений нет провести такую мобилизацию. Но тогда надо строить систему, которая самовоспроизводит инвестиции, она их затягивает, привлекает, увеличивает. В этом смысл структурной перестройки.

Аузан. Есть вопросы, которые уже поставлены, почти отвечены, и дальше начался мыслительный процесс. В общем, это и есть, мне кажется, задача диспутов. Поэтому прежде чем передать микрофон Евсею Томовичу Гурвичу для официального завершения диспута, я хочу сделать неожиданный анонс. В следующую среду 27-го в 15 часов здесь неожиданно, в этой же аудитории произойдет диспут, потому что мемориальный семинар «Реалистическое моделирование» памяти Игоря Васильевича Нита будет в этот раз устроен так. Виктор Иванович Данилов-Данильян, человек известный и связанный с факультетом и с Академией Наук, и с различными сферами деятельности, выступает с докладом с опровержением теоремы Коуза. Оппонентами выступают, естественно, профессор Тамбовцев и профессор Шастилько, два институциональных экономиста, мои коллеги по кафедре Прикладной институциональной экономики. Так что приходите, я думаю, что будет интересно.

Евсей Томович, пожалуйста.

Евсей Томович. Я хочу от имени руководителей семинара и от нашего общего имени, прежде всего, поблагодарить обоих участников за дискуссию. Я уверен, что к вопросу,

готова ли российская экономика к плавающему курсу, мы будем возвращаться еще не раз. И пригласим всех вас на 84 диспут, который состоится через месяц 20 марта, в третий четверг марта в 18 часов здесь, в этом здании. Всем спасибо за активное участие.